

— Сяо Лэ, готово?

— Цин-цзээр, сейчас будет! — Чжоу Чуся крикнул за дверь, а потом в последний раз поправил Чжоу Сяолэ причёску и улыбнулся: — Лэ-гэр, всё, завязал!

Зеркала у Чжоу Сяолэ не было, так что он не знал, как выглядит с собранными волосами, но доверял мастерству «местного жителя» Чжоу Чуся. Он покачал головой туда-сюда: причёска держалась крепко, волосы не рассыпались.

Закончив с волосами, Чжоу Сяолэ вынес приготовленный для гостей чай. Едва он вышел из комнаты, как увидел, что Сюй Гуань заводит во двор тележку. Он ещё не успел ничего сказать, как снаружи внезапно затрещали хлопушки. Чжоу Сяолэ вздрогнул от неожиданности и едва не опрокинул чай.

В это время сваха Цзи пропела несколько обрядовых строк, а Сюй Гуань, следуя её словам, действие за действием стал снимать с тележки свадебные дары; вид у него был напряжённый и осторожный, будто он боялся хоть в чём-то ошибиться.

Сваха Цзи запела:

— Четыре кувшина доброго вина - на жизнь за жизнью вместе; два отреза ткани - на любовь и согласие; три полосы свинины - на судьбу, связанную в трёх жизнях; арахис и красные финики - на скорое рождение детей; пара кроликов, самец и самка, - на счастливый союз!

Сказав это, снова подожгли связку хлопушек, и во дворе затрещало «пи-ли-па-ла». Чжоу Сяолэ никогда не видел такого зрелища. Оказывается, у древних свадьбы проходили вот так. Будь сегодня главным героем не он, он бы с удовольствием посмотрел представление. Но, к несчастью, главным героем был именно он, да ещё и тем, кого выдавали замуж.

Неловкость в душе Чжоу Сяолэ заметно усилилась. Он сухо кашлянул, собрался с мыслями, поставил чай и стал приглашать гостей садиться.

Когда последняя хлопушка затихла, Сюй Гуань достал из-за пазухи кусок красной ткани, развернул его, и в руках показалась серебряная шпилька. Он пару раз провёл пальцами по завитку волны на конце шпильки, потом поднял голову и посмотрел на Чжоу Сяолэ. Его напряжённое лицо казалось немного суровым, но краснота от корней ушей до шеи выдавала его смущение.

Сюй Гуань не умел, как сваха Цзи, сыпать одной благопожелательной фразой за другой. Сейчас вокруг было столько людей; он посмотрел на явно уложенную причёску Чжоу Сяолэ, и в голове у него почему-то стало пусто. Все счастливые слова, которые он твердил с самого утра, разом исчезли, и в конце он лишь сухо выдавил:

— Лэ-гэр, это... это тебе...

Под влиянием той красноты, что расплзлась у Сюй Гуаня по шее, только что собранное спокойствие Чжоу Сяолэ едва не рухнуло. Он подавил в душе неловкость и тонкую, едва заметную стеснительность, удержал выражение лица ровным, стараясь выглядеть естественно и открыто, и с улыбкой сказал:

— Спасибо.

Сказав это, Чжоу Сяолэ уже хотел взять шпильку, но тут сваха Цзи, стоявшая рядом, со смехом легонько подтолкнула Сюй Гуаня:

— Глупый ты парень, Сюй Гуань, что значит просто протянуть? Надень Лэ-гэру сам!

Едва прозвучали эти слова, как все вокруг слаженно рассмеялись.

«...» Натянута улыбка на лице Чжоу Сяолэ почти треснула.

Но Сюй Гуаню явно было не легче. Он сделал два шага вперёд. Он был выше Чжоу Сяолэ на полголовы, и, подойдя ближе, мог отчётливо разглядеть даже вышитые на ленте для волос бамбуковые листья. Сюй Гуань уставился на эти несколько бамбуковых листочков, и шпилька в его руке едва не выпала. Он с трудом удержал её, поднял руку, собираясь вставить в причёску Чжоу Сяолэ, но из-за волнения и страха испортить аккуратно уложенные волосы несколько раз нерешительно подвигал рукой, прежде чем кое-как закрепил шпильку.

Почти в один и тот же миг оба протяжно выдохнули.

Сваха Цзи сказала:

— Какая же изящная шпилька! Я столько лет сватаю, а такую тонкую работу вижу впервые.

Фулан старосты тоже согласился:

— И правда.

Цинь Сань-нян, видя, что эти двое от всеобщих поддразниваний вот-вот провалятся сквозь землю, сдержала смех и вышла выручать:

— Раз Сюй Гуань принёс дары от всего сердца, Цин-цзээр, скорее покажи место, пусть А-Юнь вместе с Дашунем и Тунцаем занесут всё внутрь.

Все с улыбками снова принялись хлопотать. Двух кроликов Чжоу Чуся посадил в куриную клетку. Его старший брат Чжоу Юнь помог отнести их на задний двор. Чжоу Чуся впервые трогал кроликов и от возбуждения никак не мог успокоиться: ещё сбегал на задний двор нарвать травы, а из переднего двора принёс старую миску с водой, чтобы их покормить.

— Зачем ты приготовил столько всего? — Чжоу Сяолэ, пользуясь тем, что остальные занимались раскладыванием даров, подошёл к Сюй Гуаню и тихо спросил.

Сюй Гуань только-только успел немного успокоиться, как увидел, что Чжоу Сяолэ склонил голову и приблизился. Хотя Чжоу Сяолэ смотрел вперёд и на него не глядел, расстояние было таким, что стоило Сюй Гуаню повернуть голову, и губы могли коснуться его щеки. Сердце, едва опустившееся на место, снова взлетело, и он заговорил запинаясь:

— Э-это... не... не много. В самый раз, в самый раз...

Чжоу Сяолэ сказал:

— Раз это фиктивный брак, достаточно было просто соблюсти видимость. Ты столько всего приготовил, ведь потратился немало?□□

Услышав «фиктивный брак», Сюй Гуань уставился на разбросанные по земле обрывки хлопушек. Почему-то на душе у него стало немного неуютно. Он тихо сказал:

— Пусть и так, но раз брачная бумага будет оформлена... обряды всё равно нужно соблюсти полностью.

Чжоу Сяолэ с сомнением взглянул на Сюй Гуаня и сказал:

— В моём доме только я и старшая сестра. Столько вещей мы и использовать не успеем, и съесть не сможем, только зря пропадут. Когда будем жениться, я положу их в приданое и отправлю обратно с тобой.

— А? Свинину... свинину тоже положишь?

«...»

Чжоу Сяолэ посмотрел на те три полосы свинины и спокойно сказал:

— Свинину сегодня вечером потушим и сразу положим в твой храм пяти внутренностей*.

(ПП: в живот)

Здесь эти двое тихо переговаривались, а старшие в стороне с виду беседовали о другом, но исподтишка косили глаза на будущих новобрачных. Увидев, что они стоят близко друг к другу, старшее поколение, как люди бывалые, всё как один сделали лица «кто знает - тот поймёт».

Староста сказал:

— Цин-цзээр, ты не вини меня, что я прежде самовольно назначил помолвку Лэ-гэра и Сюй Гуаня. Если бы вы с братом не отделились от семьи твоего старшего дяди, жить вам было бы совсем тяжело. Деревенские всё это видели, но семейные дела есть семейные дела; даже я, староста, не мог переступить границу.

Чжоу Цинцин была младшей, и такими словами староста уже проявил к ней достаточно уважения. Неважно, заботился он о репутации деревни или действительно хотел, чтобы им с братом в будущем жилось легче, Чжоу Цинцин всё равно была ему благодарна.

Она подала ему чашку чая и сказала:

— Дядюшка-староста говорит слишком серьёзно. Мы с Сяо Лэ всё понимаем и благодарны дядюшке-старосте за заботу. Когда Сяо Лэ будет выходить замуж, вам ещё придётся прийти и стать главным свидетелем свадьбы.

Староста с удовлетворением кивнул и улыбнулся:

— Обязательно, обязательно.

После того как свадебные дары были доставлены, по правилам гостей нужно было оставить на трапезу. Чжоу Сяолэ хотел пойти на кухню помочь с ужином, но Цинь Сань-нян вытолкнула его обратно.

— Иди с Сюй Гуанем на огород, нарвите немного джусая. Потом сделаем лепёшки с джусаем. Идите.

Чжоу Сяолэ беспомощно сказал:

— Джусай только недавно срезали...

— Тогда сорвите что угодно, — Цинь Сань-нян увидела, что Чжоу Сяолэ не двигается, и крикнула Сюй Гуаню: — Сюй Гуань, сходи с Лэ-гэрам на огород, сорвите баклажан, а? Идите.

Сказав это, она сунула овощную корзину Чжоу Сяолэ в руки, развернулась и ушла хлопотать на кухню.

Сюй Гуань подошёл, взял у Чжоу Сяолэ корзину и спросил:

— Пойдём?

— Пойдём, пойдём. Как раз покажу тебе мой дом.

Огород был прямо за домом. Чжоу Сяолэ боялся, что из-за торговли не будет успевать ухаживать за посадками, поэтому пока засадил только одну грядку, отведя под каждый овощ небольшой участок. Кусок с джусаем сейчас стоял совсем лысый - видно, его недавно срезали.

Но куда ни посмотри, ни одного баклажана не было. Сюй Гуань тут же всё понял; уши у него слегка покраснели. Он присел на корточки и сделал вид, будто рассматривает овощи, затем наугад указал:

— А это что за овощ?

— Байцай*. Ты не ел?

(ПП: китайская капуста)

Чжоу Сяолэ тоже присел рядом, раздвинул листья и, увидев, что растёт неплохо, осторожно отломил один листок, положил в рот и пожевал. Хрустящий, сочный, немного острый и с лёгкой сладостью. Сюй Гуань ел байцай, но сырым - никогда. Ему стало любопытно, какой он на вкус. Чжоу Сяолэ протянул листок к его губам, и он, не думая, откусил. Едва прожевал разок, как тут же нахмурился: и жевать дальше неловко, и не жевать нельзя, красивое лицо сразу сморщилось.

Чжоу Сяолэ сидел рядом, обхватив колени руками, склонил голову набок и сдерживал смех:

— Многим этот вкус не нравится. Не любишь - не заставляй себя глотать.

Сюй Гуань потерпел, не выплюнул, быстро прожевал ещё пару раз и проглотил.

— Раньше никогда так не ел. Вкус очень... особенный.

Чжоу Сяолэ сказал:

— Когда вырастет, сорвём несколько кочанов и потушим со свиной. Сырой не любишь, а приготовленный любишь?

— Я не привередлив в еде, — сказал Сюй Гуань и, вспомнив только что съеденный лист байцай,

добавил: — В приготовленной не привередлив.

Чжоу Сяолэ рассмеялся:

— Ладно.

Байцай ещё не вырос, сорвать можно было только немного водяного шпината. Сюй Гуань не умел, и Чжоу Сяолэ показал ему один раз, указав на основание стебля:

— С корнем выдёргивать нельзя. Вырвешь корень - водяной шпинат больше не будет расти. Срывать нужно вот здесь, потом польём, и он снова пойдёт.

Срывать овощи было нетрудно: Сюй Гуаню хватило раз посмотреть и раз услышать. Овощей на грядке и так было немного; когда всё собрали, набралось как раз на две тарелки.

Чжоу Сяолэ сказал:

— Похоже, завтра всё-таки придётся сходить на Мацяньпо за дикими овощами. Иначе для завтрашней торговли не хватит.

Сюй Гуань не знал, чем Чжоу Сяолэ обычно занят, и, услышав о лотке, с любопытством спросил:

— Торговать?

— Я раньше тебе не говорил. Эти дни мы с Ся-гэром делали чанфэнь и продавали их на востоке города. В последнее время из-за свадебных хлопот несколько дней не ходили. А завтра как раз ярмарочный день: людей будет много, значит, и заработаем больше.

— Что такое чанфэнь?

— Еда такая. Завтра ты свободен? Хочешь пойти с нами? Как раз попробуешь, — сказав это, Чжоу Сяолэ вспомнил, что у Сюй Гуаня есть лошадь, и улыбнулся: — А если ты пойдёшь, я ещё смогу прокатиться на твоей повозке.

Изначально Сюй Гуань собирался ночью пойти в горы на охоту: в ярмарочный день всё продавалось хорошо, дичь тем более, да и цену за неё давали неплохую. Но раз Чжоу Сяолэ спросил его, об охоте можно было забыть. Сюй Гуань кивнул и согласился.

Сорвав овощи, они заодно вымыли их во дворе. Вечером за столом было много людей, к счастью, и помощников пришло немало. Чжоу Цинцин распорядилась нарезать одну полосу

свинины и приготовить тушёное мясо, на вытопленном сале пожарили яйца, отдельно сделали простые жареные овощи и ещё суп. Всё это ели с лепешками; для угощения гостей такой ужин уже считался очень щедрым.

В деревне никто не жил богато, а брат с сестрой Чжоу Цинцин и Чжоу Сяолэ тем более жили трудно. Сейчас стол, которым они угощали людей, выглядел обильным, но все знали: это их домашние запасы. Поэтому, беря еду, гости старались тянуться к тем блюдам, которые нельзя долго хранить, а к тем, что могли постоять ещё несколько дней, по молчаливому согласию почти не притрагивались.

Чжоу Цинцин хотела их уговорить, но за столом в основном сидели старшие. Они слушали, все как один кивали и хвалили, а палочки всё равно направляли туда же, что и раньше.

Даже так ужин вышел очень сытным и радостным. В богатых семьях в день, когда ребёнка выдавали замуж, ещё устраивали отдельный прощальный пир. А у бедных семей оставалось лишь совместить его с той трапезой, что полагалась в день принесения свадебных даров. После этого ужина деревня уже по умолчанию считала Чжоу Сяолэ будущим фуланом Сюй Гуаня.

Когда ужин закончился, несколько тётушек помогли убрать чаши и палочки, по отметкам разобрали принесённую из своих домов посуду, палочки и стулья, попрощались и вместе ушли домой под лунным светом.

<http://bllate.org/book/17639/1694443>